

преподаванія (ибо и для него Шахматовъ умѣлъ находить время): у своихъ университетскихъ учениковъ Шахматовъ находилъ пониманіе; среди нихъ появлялись прямые таланты. Стоитъ указать на рано погибшаго Л. Васильева, который «видѣлъ то, чего не видитъ никто»: въ древнихъ рукописяхъ, давно изслѣдованныхъ, Васильевъ умѣлъ иногда находить очень яркіе и очень безспорные факты языка, которыхъ, однако, до него не замѣчалъ ни одинъ изслѣдователь.

Подобно своему учителю Фортунатову, Шахматовъ былъ очень простымъ и очень оригинальнымъ русскимъ явленіемъ. Въ Фортунатовѣ глубокое знаніе соединялось съ глубокой свѣжестью и безмятежной простотой, вызывая у зрителя образы античныхъ философовъ. Шахматовъ казался какимъ-то руководителемъ большой и серьезной религіозной общины среди какого-то цивилизованнаго народа, но руководителемъ тоже вполне простымъ, а главное — вполне искреннимъ. Его длинная свѣтлая голова съ продолговатымъ, нѣсколько прямоугольнымъ лицомъ лежала на очень небольшомъ, но пропорціональномъ тѣлѣ. Она казалась мыслительнымъ аппаратомъ на устойчивой подставкѣ. Это впечатлѣніе смягчалось сдержанно кроткимъ выраженіемъ сѣрыхъ глазъ и нѣсколько сжатыхъ устъ. Взглядъ отличался содержательностью: онъ словно имѣлъ сказать что-то. Подходящій чувствовалъ въ Шахматовѣ убѣжденную общественную личность, направленную къ непрестанному полезному труду, проникнутую интересомъ и спокойнымъ уваженіемъ къ человѣку. Та социальная организація ученыхъ силъ, которой такъ владѣлъ Шахматовъ, давалась ему совершенно естественно и какъ-то умно и кротко: онъ вовлекалъ собесѣдника въ здоровую атмосферу общественнаго труда, въ которомъ на счету каждая личность, при этомъ сразу чувствовался и общій принципъ или знамя и то, что практически исполнимо и стоитъ на очереди. Въ выборѣ средствъ, программъ, людей, въ умѣннн открыть способности, направить и использовать, онъ обнаруживалъ такую вѣру въ человѣка, такую разсудительную находчивость и столько безспорнаго, словно онъ объяснялъ людямъ, для какого труда они созданы и что они могутъ сдѣлать сейчасъ. Шахматовъ и въ разговорѣ былъ также уменъ, какъ въ письмахъ, но природная вѣжливость не позволяла ему быть столь же краткимъ. Всѣ знали, что Шахматовъ занятъ всегда, что это для него естественно, что